

К ДИСКУССИИ ПО ВОПРОСАМ ФОНОЛОГИИ

СЕРГЕЙ БЕРНШТЕЙН

ПРОТИВ ИДЕАЛИЗМА В ФОНЕТИКЕ

I

Статья С. К. Шаумяна «Проблема фонемы», напечатанная в 4-м выпуске «Известий Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка» за 1952 г., принадлежит к числу типичных образцов «бумажной фонетики» (если воспользоваться метким выражением О. Есперсена), какими буквально кишит зарубежная идеалистическая фонология. Теория фонемы, развиваемая С. К. Шаумяном и в этой и в двух других его статьях¹, не оригинальна и порочна. За исходную ее точку следует принять заимствованное у фонологов Пражской школы различие «существенных» («дифференциальных») и «несущественных» свойств или признаков фонемы²: «существенные акустические свойства фонемы — это те, которые достаточны, чтобы она не смешивалась с другими фонемами. Несущественные же акустические свойства безразличны в этом отношении»³.

Правомерно ли ставить знак равенства между «дифференциальными» признаками фонемы и существенными ее признаками? Правомерно ли утверждать, что «недифференциальные» признаки для фонетической единицы, с точки зрения назначения языка как орудия общения, несущественны, что существенны только те признаки, которые «отражают отношение фонем друг к другу, различительную функцию фонем» (стр. 330)? Ответ на эти вопросы может быть только отрицательным. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть, какие выводы делает С. К. Шаумян из своей концепции.

Вот, например, на основании указанного критерия он заключает, что для литовской фонемы [k] признак смычности не является дифференциальным (т. е. существенным), — так как в литовском языке нет соответствующей фрикативной фонемы [x] (стр. 330). В другой работе⁴ он делает аналогичный вывод о французской фонеме [k].

Как близка эта концепция к классическому продукту идеалистической фонологии, заслуживающему названия «фонологического софизма де Соссюра!» «Язык, — рассуждал де Соссюр, — требует только различения, а отнюдь не того — как можно было бы вообразить, — чтобы у каждого звука всегда было одинаковое качество. Я даже могу произносить француз-

¹ «Система гласных фонем современного польского литературного языка» («Ученые записки Института славяноведения», Академия Наук СССР, т. III, М., 1951); «Против агностицизма в фонологии (критика фонологической теории Ельмслева)» («Ученые записки Московского университета», вып. 150, Русский язык, М., 1952).

² Ср. N. S. Trubetzkoy, Grundzüge der Phonologie, «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», 7, 1939, стр. 35: различие «фонологически существенных» и «фонологически несущественных» «качеств», или «свойств» (Eigenschaften), звука.

³ С. К. Шаумян, Проблема фонемы, «Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и яз.», 1952, вып. 4, стр. 330. Дальше ссылки на эту статью даны в тексте, с указанием лишь страниц.

⁴ «Против агностицизма в фонологии», стр. 320.

ское г как немецкое *ch* в словах *Bach, doch* и т. п., но по-немецки я не могу заменять г через *ch*, так как в этом языке имеются оба элемента, которые и должны различаться. Так и по-русски не может быть свободы в произношении *t* наподобие *t'* (смягченного *t*), потому что в результате получилось бы смешение двух различаемых в языке звуков (ср. *говорить* и *говорит*), но может быть допущено отклонение в сторону *th* (придыхательного *t*), так как этот звук не значится в системе фонем русского языка»⁵. Так и из литовско-французского примера, которым оперирует С. К. Шаумян, логически вытекает, что, поскольку смычность для литовской, как и для французской фонемы [к] несущественна, — по-литовски и по-французски вместо [к] можно произносить [х] и притом (как это ни удивительно) именно потому, что в обоих названных языках этого звука нет.

Таким образом, — это совершенно очевидно — выдвигаемое С. К. Шаумяном положение о несущественности «недифференциальных» признаков фонемы вполне согласуется с рассуждением де Соссюра, который, однако, имел смелость не только выставить общее положение, но и сделать из него практические выводы. Не потому ли С. К. Шаумян нигде не упоминает его имени?

«Во всякой правильной теории все вытекающие из нее следствия рано или поздно подтверждаются на практике», — пишет С. К. Шаумян (стр. 333), и нельзя с ним в этом не согласиться. Но вот вопрос: встречается ли в практике литовской речи замена звука [к] через [х]? И еще: поймет ли француз французское слово, если кто-нибудь вздумает произнести его не [га:r] (*gare*), а [ха:х], или не [ка:r] (*car*), а [ха:r]?

Продолжая эксперимент по методу де Соссюра, можно в любом слове любого языка заменить в каждом звуке его «недифференциальные» признаки другими, тоже «недифференциальными», — и получить сочетание звуков, которое уже не будет служить словом данного языка.

А вот другой конкретный вывод, который делает С. К. Шаумян из усвоенного им понимания фонемы как «совокупности дифференциальных признаков»: «разница в произношении между *syn* и *sin* несущественна для характеристики польских диалектов. На всей польской языковой территории мы имеем одну и ту же фонему [i]» (стр. 341). Конечно, представитель польского литературного произношения сразу отметит диалектизм у поляка, произносящего *sin*. Но с точки зрения С. К. Шаумяна, реальный звуковой состав слова, его звуковой облик, является для практики несущественным: ведь де Соссюр утверждал, что «важен в слове не звук сам по себе, но те звуковые различия, которые позволяют отличать это слово от всех прочих»⁶; что звуковые единицы языка, фонемы, «следует рассматривать как дифференциальные величины, сущность которых в том, чтобы не смешиваться друг с другом»⁷.

Если помнить, что язык есть средство общения, то этот принцип придется признать ошибочным. Тот или иной материальный признак звука языка существует, т. е. несет определенную языковую функцию (именно — словообразующую, как будет показано ниже), не только в том случае, если в данном языке существует пара звуков, различающихся по его наличию или отсутствию, — иначе говоря, не только в том случае, если при устранении этого признака (и тем самым — при замене его противоположным признаком) данная фонема смешивается с другой фонемой: материальные признаки звука языка существенны в тех пределах, в каких они необходимы для того, чтобы слова, содержащие этот звук, могли легко узнаваться представителями данного языка. Эти пределы устанавливаются фактом использования этого признака в целях слово- (и, следовательно,

⁵ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, перевод А. М. Сухотина, М., 1933, стр. 118.

⁶ Ф. де Соссюр, указ. соч., стр. 117.

⁷ Там же, стр. 199.

фонемо-) различия и узнавания. Если в русском языке, по общему правилу, взаимно противопоставлены в качестве смыслоразличителей согласные твердые и смягченные, глухие и звонкие, то эти признаки являются существенными для словоузнавания в каждом согласном, даже если данный согласный не имеет соответствующих по этим признакам пар. Другими словами, принцип взаимной противопоставленности фонем должен истолковываться не по отношению к данной паре (или к данному ряду) звуков, а по отношению к общему инвентарю кратчайших смыслоразличительных единиц данного языка. Поэтому приходится отказаться от предложения С. К. Шаумяна — в придуманном им примере гласные [i] — [e], [e] — [æ], [æ] — [a] считать попарно вариантами одной фонемы (стр. 328): с точки зрения словоузнавания и словоразличения [i], [e], [æ] и [a] — разные фонемы, если только они способны в данном языке встречаться в одинаковых фонетических условиях и, следовательно, дифференцировать слова⁸. Тем самым отпадает также и возражение С. К. Шаумяна против общепринятого принципа несовместимости вариантов одной и той же фонемы в одном и том же фонетическом положении⁹. Впрочем, для того чтобы опровергнуть это возражение, достаточно сослаться на то, что понятие фонемы опирается на понятие живого позиционного чередования, иначе говоря на то, что варианты фонемы суть варианты позиционные. Об этом еще придется говорить ниже.

Итак, отождествление «дифференциальных» признаков фонемы с существенными, а «недифференциальных» с несущественными ее признаками, а вместе с тем и характеристика фонемы как «совокупности дифференциальных признаков» (стр. 330)¹⁰ и, что то же, как «сущностей прежде всего оппозитивных (взаимно противопоставленных. — С. В.), относительных и отрицательных»¹¹, не выдерживает проверки практикой общения при помощи языка. В теоретическом же плане эта концепция вполне соответствует неодобрительно цитируемому С. К. Шаумяном высказыванию Карнапа, на которое ссылается Ельмслев: «Всякое научное положение должно всегда представлять собой формулировку отношений, исключаящую какое-либо знание или описание субстрата отношений» (стр. 335). Ср. утверждение де Соссюра: «Чтобы познать звуковые единицы языка, нет необходимости ознакомиться с характером их положительных качеств»¹². С. К. Шаумян, как будто, говорит нечто другое: он указывает на необходимость для фонологии изучения «акустических свойств» фонемы — но не всех, а только избранных, «дифференциальных», «существенных» (стр. 329, 332); он не собирается вовсе освободить фонему от звуковой материи — он только ограничивает круг подлежащих учету материальных признаков

⁸ С известной точки зрения — именно, если рассматривать фонему как кратчайший звуковой компонент морфемы, подвергающийся преобразованиям в зависимости от позиционных условий (а такая точка зрения тоже необходима, наряду с точкой зрения словоузнавания и словоразличения), — эти пары гласных, при наличии между ними позиционных чередований, в соответствующих морфемах действительно являлись бы вариантами одной и той же фонемы (как русские согласные [d] и [t] в составе одной и той же морфемы в формах [gət] год и [gody] годы: с указанной точки зрения, звуки [t] в первой форме и [d] во второй являются вариантами одной и той же фонемы [d]. Но: 1) фонему в этом смысле надо строго отличать от фонемы как кратчайшего звукового признака, служащего для словоразличения и словоузнавания; 2) такая концепция фонемы С. К. Шаумяну совершенно чужда и потому не может быть использована для интерпретации его таблички.

⁹ См. «Против агностицизма в фонологии», стр. 315.

¹⁰ Ср. у Н. С. Трубецкого (Grundzüge der Phonologie, стр. 35), с ссылкой на Р. О. Якобсона, определение фонемы как «совокупности фонологически существенных качеств звука».

¹¹ F. de Saussure, Cours de linguistique générale, 2-me éd., Paris, 1922, стр. 164; ср. русский перевод, стр. 118.

¹² Ф. де Соссюр, указ. соч., стр. 199. Гармония между лингвистическим учением де Соссюра и логистикой Карнапа отчетливо выявлена самим Ельмслевом в статье «Метод структурного анализа в лингвистике» («Acta linguistica», vol. VI, fasc. 2—3, 1950—1951), стр. 63.

фонемы. Более того: он критикует Ельмслева, который «совершенно отвергает анализ акустических свойств» фонем¹³, «изгоняет из фонологии анализ дифференциальных признаков» (стр. 335). И все же, повторяемый С. К. Шаумяном соссюрианский тезис о неограниченной свободе изменения «недифференциальных» признаков фонемы возлагает на него ответственность за выводы, которые делает из своей концепции де Соссюр.

Негативно-релятивное определение фонемы вполне последовательно приводит де Соссюра к утверждению, что фонема «отнюдь не есть нечто звучащее, но нечто бестелесное, образуемое не своей материальной субстанцией, а исключительно теми различиями (différences), которые отделяют ее акустический образ от прочих»¹⁴. Почему не делает этого вывода С. К. Шаумян? Ведь его характеристика фонемы при помощи «совокупности дифференциальных признаков», как было показано выше, логически приводит к соссюровскому положению о «дифференциальности», исчерпывающей сущность фонемы и обуславливающей ее «бестелесность».

Из предшествующих рассуждений уясняется, в чем состоит основная ошибка соссюро-шаумяновского понимания фонемы. Фонема является признаком слова не только «различительным», «дифференциальным», т. е. «оппозитивным, релятивным и негативным» (де Соссюр), но и опознавательным, т. е. позитивным. Звуки языка служат не только для различения слов: они составляют самое тело слов, их материальную оболочку, вне которой слова не существуют. Согласно учению И. В. Сталина, каждое слово представляет собой «языковую оболочку» мысли — необходимую форму существования понятия, а материальную сторону этой оболочки, «природную материю», с которой связано мышление, составляют звуки языка¹⁵. Недаром товарищ Сталин отмечает тождественность понятий «язык слов» и «звуковой язык»¹⁶. Таким образом, функция звуков в языке состоит прежде всего в том, чтобы дать существование слову, как необходимой материальной оболочке мысли; звуки языка служат материальной базой выражения мыслей. Поэтому напрасно ставит С. К. Шаумян знак равенства между «дифференциальными» и «функциональными» признаками¹⁷: «дифференциальность» (в конечном счете — словоразличительность) не исчерпывает функции звуков языка. Словоразличение есть лишь вспомогательное средство для словоузнавания, которое, в свою очередь, служит предпосылкой словопонимания. Если бы все слова были омонимичны, ни общение, ни понятийное мышление (т. е. мышление посредством слов) были бы невозможны, но для того, чтобы слова могли различаться между собой по звуковому составу, прежде всего необходимо, чтобы они обладали качественно определенным звуковым составом. Вот об этой словообразующей и словоопознавательной функции фонем и забыл де Соссюр; забывают о ней и соссюрианцы, а в их числе и С. К. Шаумян. Де Соссюр прав, утверждая, что язык не требует, «чтобы у каждого звука было одинаковое качество», но софизмом является вывод, который он делает из этого правильного, хоть и одностороннего, наблюдения, — вывод, будто «язык требует только различения». В действительности, язык требует, чтобы звук определенного качества, употребляясь в составе слов, изменялся — но не произвольно, лишь бы данная фонема «не смешивалась с другими фонемами» (стр. 330), а закономерно: определенным образом, в определенном направлении (т. е. чтобы данный звук заменялся другим

¹³ «Против агностицизма в фонологии», стр. 312.

¹⁴ Ф. де Соссюр, указ. соч., стр. 117.

¹⁵ См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952 стр. 39, 46.

¹⁶ См. там же, стр. 46.

¹⁷ См., например, на стр. 337: «функциональное тождество, т. е. тождество дифференциальных признаков». Ср. различие «существенных» («функциональных») и «несущественных» («нефункциональных») звуковых изменений на стр. 341—342.

определенным звуком) и притом только в зависимости от позиционных условий.

В связи с этим обнаруживается еще один порок фонологических экспериментов по рецепту де Соссюра: для того чтобы слово могло быть узнано, необходимо, чтобы в его звуковом составе были использованы только те звуки, которые существуют в данном языке; нельзя, без риска сделать слово неузнаваемым, произвольно заменять и соединять в его звуках отдельные признаки, создавая звуки, в данном языке не существующие. Софизм приведенного парадокса де Соссюра, варьированного С. К. Шаумяном в его примере из литовского и французского языков и составляющего основу его фонологической теории, состоит прежде всего в умолчании о том, что произнесенный в слове звук нормально выполняет словообразующую и словоразличительную функцию только при условии, что он существует в данном языке, а не является, например, патологическим дефектом речи или проявлением «иностранным акцента».

II

Разделив «акустические» свойства фонемы на «существенные» и «несущественные», последователи де Соссюра распределяют изучение звуковой материи языка между двумя научными дисциплинами — «фонологией» и «фонетикой». Вот что писал по этому вопросу, развивая в других терминах мысль де Соссюра¹⁸, Н. С. Трубецкой, которого С. К. Шаумян рекомендует как «фактического создателя фонологии» (стр. 332): «Противоположность между фонетической и фонологической точкой зрения носит принципиальный характер и не может быть преувеличена. В противоположность фонетике, которая относится к числу естественных наук и занимается звуками человеческой речи, фонология изучает фонемы, или звуковые представления и языка человеческого»¹⁹.

Следуя духу учения де Соссюра и букве учения Пражской школы, отрывает от фонетики фонологию и С. К. Шаумян. Но, в отличие от своих предшественников, он осуществляет эту операцию, пытаясь опереться на диалектико-материалистическое понятие отражения. «Фонетист изучает физические свойства фонемы сами по себе, — пишет он, — тогда как фонолог рассматривает их как зеркало, в котором отражается различительная функция фонемы» (стр. 332).

Нетрудно убедиться в многосторонней порочности этого высказывания. В самом деле. Различительная функция фонемы осуществляется именно ее материальными («физическими») свойствами. В то же время некоторые материальные свойства фонемы оказываются, по мнению С. К. Шаумяна, отражением своей же функции. Такое построение, с одной стороны, содержит порочный круг, а с другой — предполагает, что «различительная функция» обладает самостоятельным, независимым от материи бытием: ведь отражаемое существует независимо от отражения и прежде отражения. Допущенное С. К. Шаумяном гипостазирование «различительной функции», с одной стороны, представляет собой чистейший идеализм, а с дру-

¹⁸ Ф. де Соссюр, указ. соч., стр. 52.

¹⁹ N. Trubetzkoy, Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme, «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», 1, 1929, стр. 39. В позднейшем труде Н. С. Трубецкого «Grundzüge der Phonologie», при столь же категорическом отказе «объединить фонетику и фонологию под одной крышей» (стр. 14), приведенное высказывание несколько завуалировано в части, касающейся отношения фонетики к естественным наукам: здесь автор ограничивается утверждением, что «методы фонетики чисто натуралистичны» и что «естественнонаучная установка для фонетиста безусловно необходима» (стр. 13). Кроме того, он отказывается здесь от отождествления фонем с звуковыми представлениями (стр. 37).

гой — противоречит понятию функции, как производного, как свойства субстанции²⁰. В классической литературе по фонологии С. К. Шаумян мог бы найти более здравый взгляд на вещи: уже Бодуэн де Куртене, несмотря на свой психологизм, утверждал, что «в психофонетических фактах отражаются факты антропофонические, чувственные»²¹, а не наоборот.

Следствием отрыва «фонологии» от «фонетики» является упразднение фонетики как науки: при том понимании «фонетики», которое проповедует, вслед за своими первоисточниками, С. К. Шаумян, фонетика не только лишается лингвистического содержания, но и вообще перестает существовать: с одной стороны, трудно понять, для чего нужно лингвисту изучение физических свойств звуков речи «самих по себе»; эта задача относится к области естественных наук, и ее более или менее успешно разрешают физики и физиологи²², но это акустика и физиология, а не фонетика, не раздел языкознания; в то же время это и не особая «естественная наука», как декларировал в свое время Н. С. Трубецкой: это — просто выбранные под известным углом зрения страницы из курсов естественных наук — анатомии и физиологии человека и акустики.

Выход из этого парадоксального положения один: необходимо отказаться от рассечения фонетики в обычном, обширном смысле на две дисциплины — «фонетику» и «фонологию»; на место этой идеалистической концепции надо поставить различие в единой дисциплине, изучающей звуковую строй языка, двух точек зрения на каждое исследуемое явление: точки зрения материальной (антропофонической, в терминологии И. А. Бодуэна де Куртене) и функциональной (фонологической). Если бы С. К. Шаумян, вместо того, чтобы, повторяя зады зарубежной идеалистической фонологии, искусственно размежевывать сферы интересов «фонолога» и «фонетиста», задался вопросом о том, чем должен интересоваться в звуках речи лингвист, он, может быть, убедился бы в необоснованности отрыва изучения функции звуков от изучения самих звуков. Впрочем, он даже декларирует недопустимость такого разрыва. «Фонология и фонетика, — пишет он, — тесно связаны друг с другом, потому что невозможно раскрыть функциональные границы и дифференциальные признаки фонемы, не считаясь с данными фонетического анализа» (стр. 332). И тут же заявляет, что «с открытием фонемы возникла необходимость создать особую дисциплину, занимающуюся исследованием функциональной природы звуков». Почему возникла такая необходимость, почему «исследование функциональной природы звуков» требует для себя «особой дисциплины», почему оно не может уместиться в одной дисциплине с изучением звуков речи, почему проблема установления системы фонетических единиц должна составить целую науку, — этого С. К. Шаумян не объясняет, — повидимому, молчаливо отсылая читателя к первоисточникам. И здесь он остается в плену негативно-релятивного идеализма, представленного в философии Карнапов, в языкознании де Соссюра, Ельмслевом и, в известной мере, Трубецким.

Напрасно С. К. Шаумян повторяет за Н. С. Трубецким²³, что «на необходимость создания такой дисциплины указал впервые И. А. Бодуэн

²⁰ «Фактический создатель фонологии» свой взгляд на соотношение «фонологии» и «фонетики», при всей его несостоятельности с диалектико-материалистической точки зрения, сумел изложить не только более вразумительно, но и с известным блеском. В качестве одной из блестящих он использовал, с ссылкой на Р. О. Якобсона, сравнение отношения фонологии к фонетике с отношением политической экономии к товароведению (N. S. Trubetzkoy, Grundzüge der Phonologie, стр. 13). Это сравнение пришло в голову и С. К. Шаумяну (стр. 334).

²¹ J. Baudouin de Courtenay, Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen, Strassburg, 1895, стр. 9.

²² См., например, книгу С. Н. Ржевкина «Слух и речь в свете современных физических исследований», изд. 2-е, М. — Л., 1936.

²³ N. S. Trubetzkoy, Grundzüge der Phonologie, стр. 8.

де Куртенэ» (стр. 332). Напротив, Бодуэн де Куртенэ, выдвинув понятие фонемы и задачу фонологического (в его терминологии — «психофонетического») изучения звуков языка, тем не менее настаивал на единстве фонетики: он указывал, что фонетика «охватывает все фонетические факты, как антропофонические..., так и психофонетические... Поэтому, — писал он, — фонетика расчленяется на два отдела — антропофонический и психофонетический»²⁴. «Против отрыва фонологии от фонетики в узком смысле слова» решительно протестовал и Л. В. Щерба. Рассматривая антропофонику и фонологию как «две стихии в фонетике, тесно переплетающиеся и неотделимые друг от друга»²⁵, он настойчиво указывал, что «исследовать систему фонем данного языка, определять «семантизированные» (фонологизованные) признаки каждой из них можно только на основе изучения конкретного произведения данного языка и разных не менее конкретных связей между отдельными элементами этого произведения... Только в свете такого изучения будут понятны многие явления фонологии»²⁶. И эти программные заявления оба основоположника фонологии подтвердили своей исследовательской практикой.

III

Идеалистическое учение о фонеме, в редакции С. К. Шаумяна, несмотря на кажущуюся четкость его определения фонемы, содержит существенные неясности, перерастающие во внутреннее противоречие.

Описывая систему гласных фонем польского языка, С. К. Шаумян утверждает, что «задняя артикуляция языка» в фонемах [o] и [u] «не может считаться дифференциальным признаком по той причине, что, находясь в зависимости от комбинаторных условий, принадлежит только части вариантов данных фонем»²⁷. Следовательно, С. К. Шаумян считает, что в число «дифференциальных», «существенных» признаков фонемы включаются только такие признаки, которые принадлежат всем вариантам данной фонемы, — другими словами, что все варианты фонемы объединены известными общими материальными (в частности, артикуляторными) признаками: ведь «дифференциальные признаки» фонемы избраны по определенному принципу из числа ее материальных признаков (в том числе и артикуляторных).

Такой взгляд представлен целым рядом фонологических концепций — но как раз тех, которые критикуются С. К. Шаумяном и притом именно с этой стороны (Л. В. Щерба, Д. Джоунз, Н. С. Трубецкой). Да и независимо от критики фонологических теорий С. К. Шаумян старательно доказывает, что «соображения о физическом сходстве или несходстве звуков не имеют ровно никакого значения для решения вопроса об их принадлежности к той или иной фонеме» (стр. 329). Критикуя учение Н. С. Трубецкого, он утверждает, что «акустическое родство» вариантов фонемы представляет собой лишь «эмпирическое обобщение» (стр. 337)²⁸, т. е. является случайным.

Здесь С. К. Шаумян непоследователен: «акустическое родство» вариантов фонемы логически вытекает из того определения и понимания фонемы, которое он пропагандирует: наличие общих «дифференциальных признаков» которого он требует от вариантов польских фонем [o] и [u], — это и есть «физическое сходство звуков», их «акустическое средство»: если эти неяс-

²⁴ J. Baudouin de Courtenay, Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen, стр. 9.

²⁵ Л. В. Щерба, Фонетика, «Большая советская энциклопедия», т. 58, стлб. 109.

²⁶ Л. В. Щерба, Очередные проблемы языковедения, «Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и языка», т. IV (1945), вып. 5, стр. 185—186.

²⁷ «Система гласных фонем польского литературного языка», стр. 406.

²⁸ То же в статье «Против агностицизма в фонологии», стр. 314 и в статье «Система гласных фонем польского литературного языка», стр. 397.

ные выражения, претендующие на терминологическое значение, вообще могут быть использованы в науке, то они не могут означать ничего другого, кроме общности известных материальных признаков, а «дифференциальные признаки», как было уже отмечено выше, материальны. Так, обратившись к конкретному анализу системы фонем определенного языка, С. К. Шаумян приписывает фонеме те самые признаки, которые он решительно отвергает в своих методологических рассуждениях и, в частности, в своей критике теорий фонемы.

В то же время эта точка зрения целиком заимствована С. К. Шаумяном у одного из критикуемых им авторов. «В определение фонемы, — писал Н. С. Трубецкой, — могут включаться только фонологически существенные свойства, т. е. такие, которые, во-первых, являются общими для всех вариантов фонемы, во-вторых, отличают данную фонему от других, ближайше родственных фонем того же языка. Было бы, например, неверно определять русскую фонему *o* как задний гласный, так как между смягченными согласными она реализуется в переднем (*ö*-образном) гласном»²⁹. В этих двух фразах (не из статей С. К. Шаумяна, а из работы Н. С. Трубецкого) сформулирована сущность теории С. К. Шаумяна, иллюстрированная его же примером (только транспонированным из польского языка в русский), да еще с отвергаемой им добавкой о «ближайше родственных фонемах». Теория С. К. Шаумяна — это теория Н. С. Трубецкого без фонологической значимости материального «родства звуков» и принципа несовместимости вариантов фонемы в одном и том же фонетическом положении.

Однако не ко всем языкам С. К. Шаумян прилагает одну и ту же мерку. Если для польского языка обязательно, чтобы все варианты одной и той же фонемы были объединены «физическим сходством», то датский язык свободен от этого ограничения: «В датском языке разные гласные [a] и [ε], — пишет он, ссылаясь на высказывание Мартине, — могут служить вариантами одной и той же фонемы» (стр. 333). Доказывается это следующей справкой из фонологии датского языка: «В датском языке гласные в соседстве со звуком [r] испытывают передвижку в сторону открытости на одну ступень, в силу чего, хотя гласный в слове *ret* «право» физически совпадает с гласным [a], однако с фонологической точки зрения он тождествен [ε], например, в слове *send* «посылай». С другой стороны, хотя [a] в слове *Sand* «песок» и гласный [a] в слове *ret* физически сходны, однако они принадлежат к разным фонемам» (там же).

Оставляя пока в стороне вопрос о точности выводимых С. К. Шаумяном сведений из датской фонологии (к этому придется вернуться ниже), отметим, что они не способны обосновать утверждение о фонологической тождественности гласных в словах *ret* и *send*. В самом деле, доказать, что [a] здесь равносильно [ε] можно, только став на отвергаемую С. К. Шаумяном этимологическую, «генетическую» точку зрения (ср. его критические замечания на стр. 339—340): гласный в *ret* (согласно сказанному — [a]) действительно исторически возник из [ε]³⁰.

Непонятно, что принципиально нового нашел С. К. Шаумян в описанном им явлении датского языка. Ведь в том виде, в каком он его представляет, это всего лишь нейтрализация фонологического противопоставления гласных [ε] и [a] в определенном слабом положении. Нейтрализация же, по теории С. К. Шаумяна, приводит к образованию «смешанной фонемы», которая обладает особыми «дифференциальными признаками» и потому, «объединяя» в себе две или большее число фонем, не совпадает ни с одной из них и противопоставляется им всем (стр. 337—338). С его точки зрения и

²⁹ N. Trubetzkoy, *Anleitung zu phonologischen Beschreibungen*, Brno, 1935, стр. 17.

³⁰ Ср. замечание А. Мартине, что закрытое произношение гласных в этих случаях «представляет уже пройденное состояние языка» («La phonologie du mot en danois», «Bulletin de la Société de Linguistique de Paris», t. 38, fasc. 2, стр. 182).

при его описании фактов датского языка, в слове *get* следовало бы установить «смешанную фонему» [ɛ/a]. Его утверждение, что гласный [a] в слове *get* является вариантом фонемы [ɛ], не обосновывается его теорией фонемы.

Нечеткость принципов распределения звуков по фонемам в рассуждениях С. К. Шаумяна в значительной мере зависит от того, что он нигде не выявляет истинной причины группировки звуков языка по фонемам. Ведь открытие И. А. Бодуэна де Куртенэ «двойственной природы» звуков языка — физической и функциональной (стр. 328), — служащее исходной точкой фонологии, опирается на наблюдение, что звук языка подвергается позиционным чередованиям, не изменяя своей языковой функции — служить средством для опознавания и различения морфем и слов. Поэтому-то основоположники фонологии И. А. Бодуэн де Куртенэ и Л. В. Щерба строили теорию фонемы в неразрывной связи с учением о позиционных чередованиях. Живое позиционное чередование есть, как известно, закономерная замена одного звука другим в составе морфемы в зависимости от позиционных условий, т. е. закономерное, составляющее норму в данном языке приспособление звуков к комбинаторным условиям. Это явление основано на действующих в данном языке на данном этапе его исторического развития комбинаторных ограничениях в употреблении звуков. Попадая при словообразовании и словоизменении в несоответствующие позиционные условия, звук модифицируется определенным образом, утрачивая тот или иной из своих артикуляторных компонентов (и тем самым приобретает другой, противоположный) и сохраняя остальные свои артикуляторные признаки. В результате, один звук закономерно заменяется другим. Эта мена звуков происходит вне непосредственной зависимости от изменения значений, но существенна для словоупотребления, которое опирается на употребление в каждой позиции соответствующего ей варианта фонемы. Применение варианта, не соответствующего позиции, может сделать слово неузнаваемым: ср. русское слово *мел*, произнесенное с узким *e* вместо широкого: [m'eɪ] вместо [m'el]. Живые позиционные чередования не вносят изменений в значение слова или его формы и потому служат базой для объединения позиционных альтернантов в единства, называемые фонемами. Как осуществляется это объединение в деталях, все ли позиционные альтернанты, встречающиеся в данной морфеме, образуют одну фонему или вопрос о составе фонем должен решаться независимо от конкретных морфем, а в связи с этим — как трактовать продукты «нейтрализации фонологических противопоставлений», — все это вопросы частные, получающие разные решения в разных фонологических построениях. Незыблемым остается факт: фундаментом, на котором возводится здание системы фонем, служат живые позиционные чередования; если бы не было живых позиционных чередований, т. е. расщепления единого звука на ряд звуков вне непосредственной зависимости от смысловых условий, то не было бы надобности различать фонему и звук речи. В повятии фонемы реальную ценность представляют только позиционно-альтернативные ряды — как формулы, конкретно выражающие фундаментальную констатацию «несовпадения физической природы звуков речи с их значением в механизме языка, для чутья народа»⁸¹ и позволяющие, нисколько не обедняя многообразия звуков определенного языка или диалекта, свести его к ограниченному числу единиц, значащих с точки зрения образования и различения морфем и слов. Фонема не исчерпывается материальными признаками, общими всем ее вариантам, — тем более, что, как будет сейчас разъяснено, не для всякой фонемы такие признаки могут быть найдены,

⁸¹ И. А. Бодуэн де Куртенэ, Подробная программа лекций в 1877—78 уч. году, Казань, 1881, стр. 84. Аналогичная формулировка — уже в его лекции 1870 г. «Некоторые общие замечания о языковедении и языке» («Журнал Министерства народного просвещения», 1871, февраль, стр. 301—302).

в связи с тем, что фонема, как альтернативный ряд, содержит в себе все варианты ³².

Казалось бы, что позиционные альтернанты, являясь результатом артикуляторного приспособления одного и того же звука к различным позиционным условиям, необходимо должны обладать общими артикуляторными признаками, т. е. «физическим» и, в частности, «акустическим» сходством. Однако на деле это предположение не всегда оправдывается: позиционные условия в известных случаях способны модифицировать звук до полного устранения его первоначальных признаков: ср., например, датское [ε], с одной стороны, и [a], заменяющее его в положении смежности с [r], с другой.

Таким образом, прав С. К. Шаумян, отвергая «физическое сходство» как основание для решения вопроса о принадлежности звука к составу той или иной фонемы: если «физическое сходство» не обязательно для членов позиционно-альтернативного ряда, то это относится и к вариантам фонемы, как частному случаю позиционной альтернативы ³³. Но тогда нельзя требовать, чтобы все варианты фонемы обладали общими артикуляторными признаками. Определение фонемы как «совокупности дифференциальных признаков», осложненное требованием наличия этих признаков у всех вариантов фонемы (ср. анализ польских фонем [o] и [u] в работах С. К. Шаумяна), влечет за собой как необходимое следствие «физическое сходство» вариантов и тем самым вступает в противоречие с отрицанием необходимости такого сходства (ср. у С. К. Шаумяна рассуждение о датских фонемах, его критику учения Н. С. Трубецкого и пр.).

Выход из этого противоречия можно было бы найти в понятии «основного варианта», связанного с концепцией «нейтрализации фонологических противопоставлений»: раз есть «слабые положения», в которых «члены некоторых фонологических противопоставлений перестают различаться» (стр. 337), значит есть и «сильные положения», где члены тех же фонологических противопоставлений различаются. Но С. К. Шаумян отказывается выделить самое сильное положение фонемы — положение основного варианта; разделение фонетических положений на зависимые и независимые (или минимально зависимые), по его мнению, ошибочно: все положения (за исключением, конечно, слабых) всегда одинаково зависимы ³⁴. Согласиться с этим утверждением затруднительно: при изолированном произнесении звук языка не испытывает воздействия со стороны других звуков и потому проявляет свои материальные признаки во всей полноте. С этой точки зрения ошибочной окажется мотивировка, которой С. К. Шаумян подкрепляет свое утверждение: он находит, что в основе отвергаемого им взгляда лежит смешение «понятия частоты с понятием зависимости» ³⁵. В действительности основной вариант, т. е. вариант, производимый в изолированной позиции и, по общему правилу, повторяющийся в некоторых других позициях, вовсе не всегда является наиболее употребительным — например, основной вариант русской фонемы [ε], самый широкий из четырех ее ударных вариантов.

Установив основные варианты фонемы — варианты, в которых фонемы безусловно взаимно противопоставляются, — получаем возможность рассмотреть остальные варианты как позиционные альтернанты основного. Фонема представится как позиционно-альтернативный ряд звуков,

³² См. А. Ф. Бирштейн, К вопросу о системе фонем английского литературного языка, «Экспериментальная фонетика и психология в обучении иностранному языку» («Ученые записки 1-го Московского гос. Пед. института иностранных языков», т. I), М., 1940, стр. 75.

³³ «Физическое сходство» звуков еще и потому не может служить основанием для решения вопроса об их принадлежности к составу одной и той же фонемы, что этим сходством могут обладать и звуки, заведомо принадлежащие к составу разных фонем, например, в русском языке ряд согласных [d], [d'] [t], [t'], [n], [n'].

³⁴ «Система гласных фонем польского литературного языка», стр. 405.

³⁵ Там же. стр. 406.

члены которого могут и не обладать «физическим сходством» с основным альтернантом. Вопрос о «физическом сходстве» («акустическом средстве») как критерии для решения вопроса о принадлежности ряда звуков к составу одной и той же фонемы снимается и заменяется признаком позиционного преобразования основного варианта. С этой точки зрения главной задачей фонологического исследования окажется не различение в звуках языка «существенных и несущественных признаков», а выявление фонем, т. е. групп позиционно чередующихся звуков, совместно выступающих в данном языке в разных своих альтернативных модификациях в качестве словообразующих и словоразличительных элементов фонетической системы. Противопоставляясь основному варианту фонемы по условиям употребления, остальные ее варианты (или, что то же, заменительные альтернанты) образуют с ним фонетическое единство; без них основной вариант превратился бы в условную эмблему звукового элемента языка. Фонема, функциональная звуковая единица языка, может быть охарактеризована только в связи с признаками ее функционирования — с этим С. К. Шаумян согласен³⁶ — и, тем самым, только в совокупности ее вариантов со всеми их материальными признаками, «существенными» и «несущественными», — что уже стоит в прямом противоречии с концепцией С. К. Шаумяна. Фонема, не опирающаяся на понятие живого позиционного чередования, представляет собой несоответствующее языковой действительности статическое построение, в котором элиминирована подвижность звуков языка, скрыты их взаимные переходы в зависимости от позиционных причин — переходы, образующие механизм функционирования звуковой материи в языке. В отрыве от живых позиционных чередований, от позиционно-альтернативного ряда, проблема фонемы, которую пытается решить С. К. Шаумян, превращается в загадку фонемы, которую ему не удалось разгадать. Отсюда и возникает у него представление о «диковинности» этого элемента языка для «здорового смысла» (стр. 325, 333). Понятие живого позиционного чередования в качестве фундамента системы фонем неприемлемо для С. К. Шаумяна, верного последователя своих учителей. Зарубежная фонология (за редкими исключениями, к числу которых относятся А. Мартине и особенно Д. Джоунз) проявляет односторонний интерес к единству фонемы, пренебрегая ее альтернативной природой. Позиционные альтернанты, с этой точки зрения, — продукт «внефонологических вариаций»; они изгоняются из «фонологии» в область «фонетики», куда сваливается все «недифференциальное», «несущественное»³⁷. Положить живое позиционное чередование в основу теории фонемы — значило бы стать на «этимологическую», «генетическую» точку зрения, которую С. К. Шаумян решительно отвергает: зарубежная фонология прежде всего педантически статична, чужда всякому «генезису», процессу, всякой причинности, и С. К. Шаумян, помня заветы де Соссюра, старается усугубить этот ее порок. А в результате — противоречие между утверждением о случайности «акустического средства» вариантов фонемы и требованием общности их «дифференциальных признаков» остается в его рассуждениях не разрешенным.

IV

К звуковой материи языка «бумажная фонетика», по самой своей природе, не проявляет особого интереса. Поэтому С. К. Шаумян безоглядно стилизует, приглаживает и, в конечном счете, искажает материальную

³⁶ Ср. его замечание о том, что «отношения и субстанции отношений взаимно проникают друг друга и образуют диалектическое единство» («Против агностицизма в фонологии», стр. 312).

³⁷ «Projet de terminologie phonologique standardisée», *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*, 4, 1929, стр. 318—319; N. S. Trubetzkoy, *Grundzüge der Phonologie*, стр. 36.

действительность языка, подгоняя ее под свои фонологические схемы. Прежде всего, он упрощает звуковую материю языка, сводя ее целиком к слуховой стороне, которую именует «акустической» («акустические свойства фонемы», «акустическое сродство звуков»). Об артикуляторной стороне звуков речи он почти не упоминает. Между тем, пытаясь раскрыть понятие «акустического сродства», мы были вынуждены перевести его в произносительную плоскость: «акустическое сродство» звуков можно понять только как наличие у них общих артикуляторных признаков, которое вызывает, в соответствующей степени, сходство слуховых впечатлений. Но наличие общих элементов артикуляции может быть установлено объективно, а сходство слуховых впечатлений лежит в плоскости субъективного восприятия. В то же время нельзя утверждать, чтобы звуки, обнаруживающие общие элементы артикуляции, были «родственны» в плоскости объективно-акустической, т. е. чтобы они обладали общими формантами³⁸. Акустическими С. К. Шаумян ошибочно называет явления слуховые. Он упускает из виду, что звук речи, как материальное явление, представляет собой сложное единство ряда элементов: артикуляция, отражаясь в сознании как моторное переживание, в то же время вызывает звуковые колебания воздушных частиц, которые, в свою очередь, отражаются в сознании как слуховое восприятие. Из числа этих компонентов только звуковые колебания воздушных частиц представляют собой явление действительно акустическое.

Источник этого упрощенчества надо искать все у тех же учителей С. К. Шаумяна. Н. С. Трубецкой замечает, что при «фонологическом определении фонемы» «в сущности почти безразлично, какими пользоваться терминами — акустическими или органогенетическими (анатомическими), так как эти термины должны служить лишь символами фонологических понятий»³⁹. Сам он пользуется и теми и другими, иногда даже говоря об «акустических и артикуляторных» признаках в совокупности⁴⁰. С. К. Шаумян говорит только об «акустической» стороне. Между тем живые позиционные чередования, на которые опирается система фонем, а тем более исторические изменения звуковой системы, протекают непосредственно в артикуляторной области, изменения же акустические и слуховые являются по отношению к артикуляторным производными. Но это не может интересовать идеалистическую фонологию, принципиально отмежевывающуюся от всякой каузальности и предпочитающую скользить по поверхности фактов.

Другой образец невнимания к звуковой материи языка представляет собой трактовка аффрикат в статье С. К. Шаумяна. Аффрикаты, с точки зрения их артикуляции, безоговорочно рассматриваются здесь как сочетания двух согласных: испанское слово *chino* [čino] для С. К. Шаумяна равно [tʃino] (стр. 331). Между тем испанское [č] — простой по способу образования звук, очень мало напоминающий сочетание двух согласных (из которых первый, как дорсальный, довольно далек от испанского коронального [t], а второй, как известно и С. К. Шаумяну, в испанском языке вовсе отсутствует)⁴¹. Да и вообще, аффриката, как это уже давно выяснено, представляет собой особый способ образования, вовсе не тождественный с последовательностью двух артикуляций. Об этом писал уже Сиверс, который видел в аффрикате смычный согласный с замедленным взрывом⁴². А. И. Томсон, говоря о русских аффрикатах, отмечает, что «движения,

³⁸ Ср. А. Ф. Б и р ш е р т, К вопросу о системе фонем английского литературного языка, стр. 49.

³⁹ N. T r u b e t z k o y, Anleitung zu phonologischen Beschreibungen, стр. 18.

⁴⁰ См., например, там же, стр. 14; Grundzüge der Phonologie, стр. 45.

⁴¹ N a v a r r o T o m á s, Manual de pronunciación española, 4 ed., Madrid, 1932, § 118.

⁴² E d. S i e v e r s, Grundzüge der Phonetik, 5. Aufl., Leipzig, 1901, § 801, 454, 440.

производящие их, не сложнее, чем например при [t]⁴³, где тоже последовательно сменяются два момента — затвор и взрыв. Между тем С. К. Шаумян повторяет старую концепцию аффрикаты как «слитного согласного», хотя его тезис о необходимости «строго отличать функциональное членение речевого потока от физического» (стр. 331) может быть легко доказан и без этого фонетического примитивизма⁴⁴.

Грубая схематизация фонетической действительности наблюдается в трактовке датского примера, который был выше рассмотрен с фонологической стороны. В руках С. К. Шаумяна он служит излюбленным инструментом для демонстрации различия между «фонологической» и «фонетической» точкой зрения⁴⁵. Первоисточником этого примера, как указывает сам С. К. Шаумян, является книжка А. Мартине⁴⁶. Вот что находим в ней на указанной С. К. Шаумяном странице: «Если в датском языке, где все гласные в соседстве с [r] расширяются, гласный в слове send («посылай») заменим гласным слова ret («правый»), получим уже не слово send, а нечто такое, что датчанин, вероятно, поймет как Sand («песок»), хотя никто не станет отрицать, что слова send и ret имеют одну и ту же гласную фонему». Сопоставляя это осторожное, к тому же гипотетически сформулированное высказывание с той интерпретацией, которую дает ему С. К. Шаумян (см. выше стр. 548), видим, как он исправляет и стилизует эскиз, набросанный Мартине. Из замечания Мартине ясно во всяком случае, что 1) предлагаемая подстановка даст не слово Sand, а звукосочетание, невозможное в датском языке, так что, услышав его, датчанин будет гадать, что бы оно могло обозначать, и предположительно поймет его как искажение слова Sand; что 2) тот гласный, который произносится в слове ret (и который Мартине в другой работе транскрибирует знаком [æ] не есть [a] и не встречается среди вариантов фонемы [a]; что 3) Мартине пользуется рассмотренным выше соссюрианским методом, оперируя изменениями звуков, не встречающимися в данном языке (ср. приведенный выше пример замены в русском слове *мел* широкого варианта гласной фонемы узким). Этот сомнительный метод дает широкий простор для фонологических маневров С. К. Шаумяна.

В специальной работе по датской фонологии Мартине сообщает, что расширение артикуляции в соседстве с [r] происходит неравномерно по отношению к гласным разной степени подъема; что в самых узких гласных [i], [y], [u] соседство с [r] вызывает не более, как тенденцию к нейтрализации противопоставлений [i] — [e], [y] — [ø], [u] — [o], тогда как в гласных более широких [e], [ø], [o] случаи смешения под влиянием [r] с еще более открытыми гласными [æ], [ö], [á], встречаются лишь в нескольких словах, а в остальных, вызывая более широкие варианты, все же «неспособны создать какие-либо фонологические смешения»⁴⁷.

⁴³ А. И. Томсон, По поводу статьи Л. В. Щербы «Субъективный и объективный метод в фонетике», Изв. Отд. русского языка и словесности Имп. Академии Наук, т. XVI (1914), кн. 3, стр. 144. Ср. Navaго Tomás, указ. соч. § 13.

⁴⁴ Ср. психологистически сформулированное замечание А. И. Томсона (указ. соч., стр. 145): «Никто не станет оспаривать, что деление на а, р, т и пр. является результатом нашей психической деятельности». Свободные от психологизма формулировки положения о несовпадении «лингвистического» членения потока речи с материальным и утверждение, что «понятие отдельного звука речи, фонемы, возникает лишь из лингвистического анализа», см. у Л. В. Щербы («Фонетика», «Большая советская энциклопедия», т. 58, 1936, стлб. 108).

⁴⁵ Этот пример используется в рассматриваемой статье дважды — сперва в обобщенной и несколько завуалированной форме (стр. 328—330), а затем без маски — в подтверждение мысли, что «во всякой правильной теории все вытекающие из нее следствия должны рано или поздно подтверждаться на практике» (стр. 333). Кроме того, он использован С. К. Шаумяном и в двух предшествующих статьях: см. «Система гласных фонем польского литературного языка», стр. 397, и «Против агностицизма в фонологии», стр. 315.

⁴⁶ A. Martinet, Phonology as functional phonetics, London, 1949, стр. 4.

⁴⁷ A. Martinet, La phonologie du mot en danois, «Bulletin de la Société de Linguistique de Paris», t. 38, fasc. 2 (1938), стр. 180—182.

При такой трактовке ясно, почему, например, гласный в слове *get* явится широким вариантом фонемы [æ]. Между тем, С. К. Шаумян заявляет, и притом относительно всех гласных *en bloc*, не делая между ними различия по степени открытости, что «в датском языке гласные в соседстве со звуком [r] испытывают передвижку в сторону открытости на одну ступень» и что в силу этого «гласный в слове *get* физически совпадает с гласным [a]» (стр. 333). Из такого описания, как было показано выше, с необходимостью вытекает нейтрализация, наличие которой, особенно для гласного [e], Мартине категорически отрицает. Эта грубая стилизация фонетической действительности привела С. К. Шаумяна к конфликту с его же концепцией «смешанной фонемы»: его вывод, заимствованный у Мартине, вступает в противоречие с теми «поправками», которые он внес в описание фактов, случившееся у Мартине основанием для этого вывода.

Стоит задуматься над вопросом: зачем понадобилось С. К. Шаумяну это искажение языковой действительности? Ответ ясен: сочетания гласных с звуком [r] находятся в современном датском языке в состоянии неустойчивого равновесия. Здесь наблюдаются непоследовательности и колебания произношения, факультативные позиционные чередования, свидетельствующие об интенсивно протекающем процессе исторического изменения в фонетической системе. Система языка, подвергаясь постоянным, хотя и медленным изменениям, являясь в каждый данный момент «продуктом целого ряда эпох»⁴⁸, не может быть безукоризненно последовательной и стройной. Это относится и к фонетической системе языка. Между тем сосюррианская фонология, принципиально антиисторическая, непроницаемой стеной отгораживающая синхронию от диахронии, не терпит никаких колебаний, никаких процессов, никаких исторических изменений, никаких реликтов. При построении системы фонем она элиминирует все эти — по удачному выражению Р. И. Аванесова — «родимые пятна истории»⁴⁹, отворачивается от них, закрывает на них глаза. Вот в каком направлении стилизует языковую действительность С. К. Шаумян. В резком противоречии с учением Бодуэна, он хочет внедрить в советское языкознание мертвенный, схоластический, антиисторический стиль, который уже и на Западе утрачивает свое обаяние.

V

Излагая усвоенные им взгляды на фонему, С. К. Шаумян, естественно, критикует и оценивает фонологические теории своих предшественников. Следует остановиться и на этих его высказываниях.

Он справедливо отмечает приоритет русской науки в создании фонологии и выдающуюся роль русского ученого И. А. Бодуэна де Куртенэ, который «ввел в науку в конце XIX века» понятие фонемы и, хотя облек свое определение фонемы в психологическую оболочку, «однако на деле... держался объективных методов исследования, содержащих в зародыше функциональную точку зрения, последовательное развитие которой, — пишет С. К. Шаумян, — и отражено в нашем определении фонемы» (стр. 332).

В этой краткой характеристике надо отметить ряд неточностей и спорных положений.

Прежде всего, очень неопределенно указана дата выступления Бодуэна де Куртенэ. Термином «фонема» он воспользовался впервые в 1881 г. в работе, озаглавленной «Некоторые отделы «сравнительной грамматики» славянских языков»⁵⁰, но, как, отмечалось и в зарубежной литературе⁵¹,

⁴⁸ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 9.

⁴⁹ См. Р. И. Аванесов, Из истории русского вокализма. Звуки [i] и [y], «Вестник Моск. ун-та», 1947, № 1, стр. 43.

⁵⁰ Напечатана в «Русском филологическом вестнике», 1881, № 2.

⁵¹ См., например, Elise Richter, Die Entwicklung der Phonologie, «Die Neueren Sprachen», Bd. 38 (1930), 7.

понятие фонемы выдвинуто им уже в самых ранних его работах, начиная с 1868 г.⁵² Определять эти даты формулой «в конце XIX века», конечно, очень неточно.

Далее, С. К. Шаумян забыл упомянуть о том, что в одной из своих работ — именно в «Некоторых отделах «сравнительной грамматики» словянских языков» — Бодуэн де Куртенэ построил теорию фонемы, совершенно свободную от психологизма. Правда, она носит «этимологический», «генетический» характер, что для С. К. Шаумяна неприемлемо, но это не умаляет заслуги Бодуэна де Куртенэ, разработавшего теорию фонемы в тесной связи с морфологией и с проблемой звуковых изменений, не превращавшего синхроническую фонетику в особое царство, наглухо отгороженное от других разделов языкознания и в то же время неуклонно, хотя и без прямолинейного педантизма, характерного для де Соссюра и его последователей, разграничивавшего синхронию и диахронию. В связи с этим, ошибочным, как было уже отмечено выше, является утверждение С. К. Шаумяна, будто Бодуэн де Куртенэ указывал на необходимость выделения фонологии в особую дисциплину, противопологающуюся фонетике.

Наконец, без достаточных оснований С. К. Шаумян устанавливает прямую генеалогическую связь между своей концепцией и методологическим завоеванием Бодуэна де Куртенэ. В учении Бодуэна фонема не отрывалась от теории фонетических чередований, а для С. К. Шаумяна это «жупел» — «генетическая», «этимологическая» точка зрения. Вместе с тем С. К. Шаумян исходит из понятия словоразличения, которое введено в фонологию в качестве основного критерия фонемы не Бодуэном де Куртенэ, а Л. В. Щербой.

Но об этом общепризнанном факте — о том, что именно Щербе принадлежит эта заслуга, — С. К. Шаумян странным образом забывает. Странно это хотя бы потому, что об этом с полной определенностью говорит Н. С. Трубецкой в книге⁵³, которая С. К. Шаумяном, наряду с некоторыми другими работами того же автора, изучена основательно: об этом свидетельствуют многочисленные отмечавшиеся выше заимствования из этих работ, сделанные С. К. Шаумяном, вся теория которого, как было уже показано, представляет собой механическую переработку учения Н. С. Трубецкого.

С. К. Шаумян находит, что «мнение, будто бы Щерба — один из создателей учения о фонеме», ошибочно (стр. 340). Глубокое заблуждение С. К. Шаумяна по этому вопросу совершенно очевидно: он сам (повидимому, не замечая этого) опирается в своем построении на учение Л. В. Щербы: «дифференциальные признаки», отличающие фонему от всех других фонем, — это признаки, создающие, согласно теории С. К. Шаумяна и его учителей, словоразличительную функцию фонемы, открытую Л. В. Щербой. Объяснить это запечатывание (несколько не оправдывая его) можно только тем, что С. К. Шаумян позаимствовал принцип смысловазличения не из первоисточника, а у де Соссюра и Н. С. Трубецкого.

В отрицании кардинального значения теории Л. В. Щербы в развитии фонологии С. К. Шаумян совпал с «учениками» Н. Я. Марра. Т. П. Ломтев, в статье «Проблема фонемы в свете нового учения о языке»⁵⁴, приписывая заслугу создания «принципиально нового», марксистского направления в «науке о звуках речи» Н. Я. Марру, правда, не заходит так далеко, как С. К. Шаумян: хоть и с существенными оговорками, он все же не отрицает категорически «шага вперед», сделанного Л. В. Щербой, но

⁵² J. Baudouin de Courtenay, Wechsel des s (š, ś) mit ch in der polnischen Sprache, «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung», Bd. VI, 1868; И. А. Бодуэн де Куртенэ, О древнепольском языке до XIV-го ст., Лейпциг, 1870; Некоторые общие замечания о языкознании и языке, «Журнал Министерства народного просвещения», 1871, февраль; и т. д.

⁵³ N. S. Trubetzkoy, Grundzüge der Phonologie, стр. 34.

⁵⁴ Напечатана в «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и языка», т. VIII, 1949, вып. 4. См. стр. 327, 336.

утверждает, что его достижения «не произвели коренного переворота в науке о звуках речи».

С. К. Шаумян инкриминирует Л. В. Щербе как «недоразумение по поводу фонемы» определение фонемы как «звукового типа» (стр. 340). Эту формулировку Л. В. Щербы нельзя признать вполне удачной, поскольку она опирается на положение об обязательном наличии у всех вариантов фонемы общего им всем отрезка звучания. Однако она предполагает концепцию фонемы как основного варианта с его позиционно-альтернативными модификациями — и в этом ее бесспорное достоинство. В «Русских гласных» Л. В. Щерба даже отождествлял фонему с одним из ее «оттенков» (с основным вариантом)⁵⁵, но в «Фонетике французского языка» он внес поправку, устранившую сбивчивость такого понимания⁵⁶. Таким образом, здесь имеем дело не с «недоразумением», а с преимуществом учения Л. В. Щербы перед концепцией С. К. Шаумяна. С. К. Шаумян усматривает в этом «переодевание старых понятий в фонологическую терминологию» (стр. 340), т. е., попросту говоря, смешение понятий фонемы и звука речи. Такое обвинение по адресу лингвиста, впервые установившего понятие фонемы как смыслоразличительной звуковой единицы, свидетельствует об отсутствии у обвинителя чувства юмора, но этот упрек представляется вполне естественным под пером С. К. Шаумяна, для которого фонема — абстракция, почти нацело лишенная позитивного материального содержания: ведь это обвинение сводится к констатации, что Л. В. Щерба рассматривает фонему как ряд позиционно чередующихся даже не «вариантов», а «оттенков», материальные признаки которых он изучает с равным вниманием, не отрывая «фонологию» от «фонетики».

Не без основания С. К. Шаумян находит в этом внимании к вариантам сходство концепции Л. В. Щербы с теорией Д. Джоунза: Джоунз сам признал, хоть и с большим опозданием, зависимость своих фонологических построений от учения Л. В. Щербы⁵⁷. Это влияние однако ограничилось именно тем, что Джоунз, на протяжении многих лет развивая и видоизменяя свою теорию фонемы, неизменно определяет фонему как «семейство звуков», т. е. как совокупность вариантов, объединенных известной общностью материальных признаков. С этой точки зрения можно присоединить к Щербе и Джоунзу еще и Трубецкого, чего, однако, С. К. Шаумян почему-то не делает. Вообще же, сопоставлять учение Джоунза и Щербы, не указывая кардинального различия между ними, значит дезориентировать читателя. Для Щербы фонема — совокупность позиционно чередующихся звуков, объединенных по функциональному признаку, хотя и ограниченному признаком материального сходства; для Джоунза фонема — совокупность родственных (т. е. материально сходных) звуков данного языка, позиционно чередующихся (в его, существенно огрубленной, формулировке — не встречающихся в слове в одном и том же фонетическом контексте)⁵⁸, без признака смыслоразличения: «Фонема — понятие исключительно фонетическое, — пишет Джоунз: — тот факт, что определенные звуки употребляются в языке для различения значений слов, не входит в определение фонемы»⁵⁹. Сходство концепций Щербы и Джоунза только в том, что оба исследователя внимательно относятся ко всему альтернативному ряду, составляющему фонему, т. е., изучая звуки языка, не отры-

⁵⁵ Л. В. Щерба, Русские гласные в качественном и количественном отношении, СПб, 1912, стр. 12.

⁵⁶ Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, Л.—М., 1937, стр. 17; по третьему изданию (М., 1948), стр. 19.

⁵⁷ D. J. Jones, The phoneme, its nature and use, Cambridge, 1950, стр. VI. Впервые Джоунз изложил свою концепцию фонемы в 1923 г.: см. M. V. Trifimov and D. J. Jones, The Pronunciation of Russian, Cambridge, 1923, § 172—183.

⁵⁸ D. J. Jones, The phoneme, its nature and use, стр., 11.

⁵⁹ D. J. Jones, Definition of a phoneme, «Le Maître phonétique», 1929, oct.—déc., стр. 43.

ваются от звуковой материи и не улетают в мир «бестелесных» платоновских идей вместе с де Соссюром и обширным сонмом его сателлитов.

Недостаточное понимание учения Л. В. Щербы приводит С. К. Шаумяна к извращению взгляда Щербы на соотношение гласных [i] и [ы] в фонетической системе русского языка. С. К. Шаумян утверждает, что Л. В. Щерба различает эти гласные как особые фонемы непосредственно на базе концепции фонемы как «звукового типа». Между тем достаточно прочитать рассуждение Л. В. Щербы по этому вопросу⁶⁰, чтобы убедиться в том, что он опирается на критерий смысловоразличения и альтернативных связей, а не на произносительно-слуховое различие. Мысль Л. В. Щербы (восходящая, в конечном счете, к И. А. Бодуэну де Куртене) о том, что отношения между фонемами могут быть и более и менее тесными, совершенно чужда С. К. Шаумяну, игнорирующему роль позиционных чередований в образовании системы фонем.

Наконец, говоря об отношении С. К. Шаумяна к учению Л. В. Щербы, следует отметить еще одно обстоятельство.

Ратуя за реформу изучения истории звуков языка, за «исследование разнообразных типов функциональных изменений системы фонем», утверждая, что «движущую силу развития фонологической системы составляет непрерывное взаимодействие между нефункциональными и функциональными факторами» (стр. 341—342), С. К. Шаумян повторяет, с существенным огрублением и — надо отдать ему справедливость — с устранением психологизма, высказывание Л. В. Щербы: «Фонетическая история языка, в известной части, сводится с одной стороны к исчезновению из сознания некоторых фонетических различий, к исчезновению одних фонем, а с другой стороны к осознанию некоторых оттенков, к появлению других, новых фонем»⁶¹. Нельзя не признать, что формулировка Л. В. Щербы, несмотря на ее психологизм, осторожнее и вернее формулировки С. К. Шаумяна. С точки зрения Л. В. Щербы, совпадение в ряде диалектов польского языка древнепольского [y] с [i] не исключается из истории звуков, тогда как С. К. Шаумян считает этот факт «несущественным» (стр. 341). Вряд ли нужно тратить много слов для того, чтобы доказывать, что история звуков не имеет права игнорировать факт изменения звукового облика слов, содержащих определенный звук, хотя бы это изменение осуществлялось в пределах одной фонемы, как перерождение одного из ее вариантов. Безразличие С. К. Шаумяна к подобным звуковым изменениям лишний раз доказывает, что соссюрианская фонология не интересуется реальным звуковым составом языков. В принципе, с точки зрения С. К. Шаумяна, язык может в процессе исторического развития целиком изменить свой звуковой облик, а история звуков этого языка — в полном согласии с учением де Соссюра — пройти мимо этого изменения, как «несущественного».

VI

Подводя итог разбору теории С. К. Шаумяна, можем сформулировать следующие заключения.

Излагаемое С. К. Шаумяном «учение» о фонеме, построенное на отрыве «существенных» свойств фонемы от «несущественных», «фонологии» от «фонетики», вопреки убеждению автора, приводит к полному устранению из фонемы ее материальных признаков (что он, с полным основанием, инкриминирует Ельмслеу) и к идеалистическому гипостазированию

⁶⁰ Л. В. Щерба, Русские гласные в качественном и количественном отношении, стр. 50.

⁶¹ Л. В. Щерба, Русские гласные в качественном и количественном отношении, стр. 17. Источником этого замечания Л. В. Щербы служит соответствующая идея И. А. Бодуэна де Куртене: см. его «Введение в языковедение», по 5-му литограф. изданию (П., 1917), стр. 103—104, 115—116, 142 и сл.

«словоразличительной функции» в качестве некой метафизической сущности, «отражающейся» в материальных звуках речи. Выводы, вытекающие из этой теории, вполне совпадают с теми, которые делает из своего фонологического софизма де Соссюр: реальный и материальный звуковой облик слов объявляется для языкознания «несущественным». Таким образом, С. К. Шаумян (конечно, сам того не замечая) примыкает к негативно-релятивному пониманию фонемы, развитому де Соссюром. Тем самым он игнорирует словообразующую функцию фонем, лежащую в основе словоупотребления, а следовательно, — и языкового общения и, опять-таки в полном согласии с де Соссюром, усваивает слову «бестелесность», впадая в противоречие с учением И. В. Сталина о невозможности «оголенных мыслей», «свободных от языковой «природной материи» — от звуковой материи языка. В этом смысле теория С. К. Шаумяна остается позади фонологических построений Л. В. Щербы, Д. Джоунза и Н. С. Трубецкого: если эти исследователи ошибочно выдвигают субъективный критерий «физического сходства» («акустического сродства») для распределения звуков языка по фонемам, то С. К. Шаумян, подобно Ельмслеву, но в скрытой форме, вовсе изгоняет из фонологии звуковую материю. Идеалистическая концепция С. К. Шаумяна, опирающаяся на одностороннее понимание социальной функции звуков речи, как нельзя лучше характеризуется замечанием В. И. Ленина о философском идеализме: «...с точки зрения диалектического материализма философский идеализм есть одностороннее, преувеличенное, überschwengliches (Dietzgen) развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолюте, оторванный от материи, от природы, обожествленный»⁶².

Указанные ошибки теории С. К. Шаумяна стоят в тесной связи с игнорированием живых позиционных чередований как основы понятия фонемы. Рассматривая фонему как совокупность не позиционных альтернантов, а признаков, свойственных всем вариантам данной фонемы, С. К. Шаумян строит механическое обобщение на месте реально наблюдаемого в языке диалектического развития основного варианта. Это механическое обобщение вступает в конфликт с ленинской концепцией субстанции: «С одной стороны, надо углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции, чтобы найти причины явлений, — учит В. И. Ленин. — С другой стороны, — продолжает он, — действительное познание причины есть углубление познания от внешности явлений к субстанции»⁶³. Причиной, вызывающей группировку звуков языка по фонемам, превращающей звуки в варианты фонем и тем самым создающей фонему, являются живые позиционные чередования. Исключая из понятия фонемы альтернативный признак, С. К. Шаумян ограничивает фонологию изучением «внешности явлений». Статическое понятие фонемы выхолащивает из фонетических явлений их причинные связи. Оно опирается на голую эмпирику, скользит по поверхности фактов, игнорируя их подвижность, их динамическую природу, причины их взаимодействия и заложенные в них тенденции развития. Фонологическая теория, построенная на таком понимании фонемы, приобретает мертвенность, антиисторичность и схоластичность.

Исповедуемый С. К. Шаумяном примат «функции» перед материей влечет за собой невнимательное отношение к звуковой действительности языка, грубую схематизацию и стилизацию фактов, вносящую ошибки в фонологическую теорию. Чтобы ограничиться только самой существенной из этих ошибок, достаточно напомнить, что С. К. Шаумян отвергает элементарный и фундаментальный признак несовместимости вариантов фонемы в одной и той же позиции, достигая этого путем произвольного приравнения датского звука [æ] звуку [a]. Так мстит за себя «фонологии» отброшенная на периферию языкознания «фонетика».

⁶² В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 330.

⁶³ Там же, стр. 134.

В результате идеалистического освещения, понятие фонемы, вместо того чтобы стимулировать изучение звукового строя языка и углублять его понимание, превращается в орудие своеобразного умственного спорта, отвлекающего внимание исследователя от языковой действительности. Если у подлинных создателей фонологии — у Бодуэна де Куртенэ и Щербы — теория фонемы служит для того, чтобы расширять наши знания о комбинаторных изменениях фонем, о функциональных соотношениях звуков в каждом данном языке, о тенденциях исторического развития звуковой системы, то у де Соссюра, Трубецкого и их последователей, не исключая и С. К. Шаумяна, назначение ее состоит в том, чтобы отфилюсофствовать эти изменения и тенденции развития как якобы несущественные для языка и потому неинтересные для языкознания; тем самым, живая, подвижная система звуков и их видоизменений, определяющая собой материальную сторону языка, заменяется схематическим орнаментом, абстрагированным от невнимательно наблюдаемой действительности и представляющим язык неподвижным, стоячим, в конечном счете — неузнаваемым, как бы отраженным в кривом зеркале. Бесконечно далек этот метод от познания «внутренних законов развития языка», которое И. В. Сталин указал как «главную задачу языкознания».

Охарактеризованная система взглядов на фонему не оригинальна. Восходя в конечном счете к лингвистической концепции де Соссюра, она непосредственно представляет собой фонологическую теорию Н. С. Трубецкого, из которой механически вычтены два ее компонента: принцип «акустического сродства» вариантов и принцип несовместимости вариантов одной и той же фонемы в одной и той же позиции. Первый из этих принципов, если и ошибочен, то все же сближает фонему с звуковой материей (и выше было показано, чем он должен быть заменен для того, чтобы сохранилось в фонологии его «рациональное зерно»), а второй С. К. Шаумяну удалось устранить ценой искажения фактов. Идеалистическая сущность учения Трубецкого от этой операции не пострадала. Не удивительно, если при такой генеалогии теория С. К. Шаумяна явственно обнаруживает свою принадлежность к тому течению в языкознании, которое хочет заменить познание языка построением его бесплотной «структурной схемы», вытравив из языка звуковую материю и оперируя только ее отношениями и функциями, оторванными от их субстрата. Имя этому течению, основоположниками которого являются в первую очередь де Соссюр, а во вторую — Трубецкой, — структурализм. Преисполненный самых лучших намерений — согласно призыву И. В. Сталина внедрять марксизм в языкознание, — на деле С. К. Шаумян, под флагом борьбы с «идеалистическими извращениями» в фонологии «со стороны буржуазных лингвистов» (стр. 325), преподносит читателям старый, затасканный хлам буржуазной науки — бесплодную игру мертвыми понятиями, не отражающими звуковой действительности языка.